

УДК 811.161.1:39

ББК 81.411.2-006

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «МАКСИМАЛИЗМ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.В. Баско

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация в русском языке лингвокультурного концепта «максимализм». Репрезентантами концепта в современном русском языке являются слова, фразеологические единицы и поговорки. В лингвокультурном концепте «максимализм» получили отражение исторически сложившиеся в русском языковом сообществе стереотипы социального поведения и эмоционального состояния, характерные для русского человека. Лингвистический анализ концепта «максимализм» проводится на основе теории, в соответствии с которой в концепте можно выделить три главных компонента: понятийный, образный и ценностный. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта реализуется в оценке, которую он содержит. Она показывает значимость рассматриваемого стереотипа поведения для национального сознания. Автор делает вывод о том, что ценностная составляющая концепта «максимализм» варьируется в зависимости от контекста. Именно контекст, в котором употребляются языковые репрезентанты, определяет характер языковой оценки.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, репрезентация концепта, максимализм, языковая картина мира, национальное языковое сознание, базовые ценности.

THE LINGUOCULTURAL CONCEPT "MAXIMALISM" IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

N.V. Basko

Abstract. The article deals with the representation of lingua-cultural concept "maximalism" in the Russian language. The representatives of the concept in modern Russian are words, phraseological units and sayings. The lingua-cultural concept of "maximalism" reflects the stereotypes of social behaviour and emotional state characteristic of the Russian people historically established in the Russian language community. The linguistic analysis of

the concept of “maximalism” is based on the theory, according to which three main components can be distinguished in the concept: conceptual, figurative and value oriented. The value oriented component of the lingua-cultural concept is implemented in the assessment it contains. It shows the significance of the considered behaviour stereotype for the national consciousness. The author concludes that the value component of the concept of “maximalism” varies depending on the context. It is the context in which language representatives are used that defines the nature of language assessment.

Keywords: *lingua-cultural concept, representation of the concept, maximalism, language picture of the world, national linguistic consciousness, basic values.*

В современном мире в эпоху формирования единого экономического, финансового и информационного пространства особую актуальность приобретают вопросы, связанные с взаимодействием культур разных народов, с межкультурной коммуникацией. Отсюда огромный общественный интерес и социальный запрос на изучение особенностей национальной культуры различных этносов, специфики национальной ментальности. Основным признаком, отличающим один народ от другого, и главным хранителем национальной культуры является язык. Окружающий мир и образ жизни народа, народные традиции и обычаи, национальный характер и исторически сложившаяся система ценностей — все это отражается в языке.

Язык как главное средство человеческого общения открывает большие возможности для познания национального характера и сложившейся в сознании народа языковой картины мира. Окружающая действительность в разных языках представлена по-разному, и картина мира у разных народов разная. Она формируется в сознании людей через

призму языка и зависит от условий проживания языкового сообщества, от окружающей природы, климата, от исторического пути, пройденного народом, и от других факторов. Согласно определению, данному в Википедии, «языковая картина мира — это исторически сложившаяся в обыденном сознании определенного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности».

Исследование языковой картины мира определенного социума, исторически сформировавшихся в нем базовых ценностей, особенностей национального менталитета и стереотипов поведения предполагает анализ лингвокультурных концептов. «Концепты характеризуют национальную ментальность и составляют основу национальной культуры. Концепт принадлежит сознанию, детерминируется культурой и репрезентируется в языке» [1, с. 89]. В концепте аккумулируются и обобщаются сложившиеся в процессе длительного исторического развития знания определенного языкового коллектива

ва об окружающей действительности, формируются его представления об окружающем мире. На основе обобщенных знаний, воспринятых и усвоенных как социумом в целом, так и отдельным его представителем, складывается система базовых ценностей народа, которая определяет суть национального характера, его социальное своеобразие среди других наций. Менталитет представляет собой не просто систему идей, а исходные принципы, которыми руководствуются в своей деятельности члены определенного языкового сообщества. На основе базовых принципов формируются национальные стереотипы поведения, привычки, традиции. Лингвокультурный концепт в любом языке представлен языковыми единицами — лексемами, фразеологическими оборотами, пословицами, поговорками, крылатыми выражениями, которые являются репрезентантами концепта. Семантика, образность, характер выражаемых эмоций и оценок единиц-репрезентантов концепта формируют его содержание.

Данная статья посвящена анализу различных форм выражения лингвокультурного концепта «максимализм» и выявлению тех языковых средств, которые выступают в современном русском языке в качестве его репрезентантов. В лингвокультурном концепте «максимализм» получили отражение исторически сложившиеся в русском языковом сообществе стереотипы социального поведения и характерные для русского человека эмоциональные реакции, проявляющиеся в различных жизненных ситуациях. Максимализм — это «чрезмерная крайность в каких-н. требовани-

ях, взглядах, поступках, не оправданная реальной действительностью» [2, с. 327]. Максимализм предполагает чрезвычайно высокую степень эмоций, чувств, доведение любого процесса или эмоционального состояния до наивысшего предела, до крайности. Эти свойства русского национального характера — жажда полноты жизни, стремление действовать и чувствовать на пределе сил, широта и размах русской природы — наиболее полно переданы в известном стихотворении русского писателя и поэта XIX века А.К. Толстого (1817–1875 гг.). Стихотворение было впервые опубликовано в журнале «Современник» в 1854 году:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку.
Коль ругнуть, так сторяча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело.
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Лирический герой стихотворения предстает как яркая сильная личность, человек эмоциональный, легко возбуждающийся и теряющий равновесие, но справедливый, умеющий веселиться и радоваться жизни. Он не готов идти на компромиссы, не признает половинных мер. Его энергия переливается через край, в нем есть молодецкая удаль и широта истинно русской души.

Максимализм русского человека, которому трудно придерживаться «золотой середины» в выражении своих чувств и в поступках, получил широкое отражение в русском фольклоре и в произведениях русских писателей-классиков А.С. Пушкина,

Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других. Вспомним алчную старуху, которая не может остановиться в своем безудержном желании обогатиться, из Пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», или героя бессмертной поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» Плюшкина, одержимого патологической скупостью и страстью к собирательству, что сделало это имя нарицательным обозначением общечеловеческого типа скупца.

Ощущение чувства меры, когда люди действуют рационально и логично, стараясь избежать крайностей, риска, опасности, чуждо русским. На Западе давно известна безграничная, безудержная смелость русского человека, его ничем не сдерживаемое, неукратимое стремление испытать всю полноту ощущений, включая экстремальные, его готовность рисковать, пренебрегая мерами предосторожности в опасной для жизни ситуации. Можно вспомнить популярный в парках развлечений разных стран рискованный, выходящий за рамки обычного развлечения аттракцион «русские горки» (исп. *Montaña rusa*, фр. *Montagnes russes*, итал. *Montagne russe*), от которого у человека дух захватывает, или азартную игру (со смертельным риском, с одним патроном в револьвере) «русская рулетка». И экстремальный аттракцион, и азартная игра пришли в западную культуру из России, они прочно связаны в сознании представителей Запада с характерной особенностью русской ментальности, и это подчеркивается прилагательным «русский» в их названиях. Следует признать, что безудержная смелость русских, их азарт, любовь к риску на грани

безрассудства, но ради полноты ощущений нередко воспринимаются иностранцами как поведение иррациональное. «Эта склонность к максимализму в характере русских объясняет, почему столь многие события в истории России проявлялись в *гиперболической* форме, были столь грандиозны по замыслу: например, действия Петра Великого, построенного за несколько лет столичный город на болоте; фанатичное принятие и проведение идей марксизма; наивный энтузиазм и шпиономания при Сталине; сейчас — бессовестное выпячивание своего богатства «новыми русскими» и т.п.» [3, с. 142].

На формирование в русском языковом сознании лингвокультурного концепта «максимализм» во многом повлиял географический фактор — огромная территория Российского государства, большая протяженность его границ и чрезвычайно суровые климатические условия, как бы рассчитанные на борьбу человека за выживание. Испокон веков Россия воспринималась русским человеком как необъятное, бескрайнее пространство, не имеющее предела и границ. Чтобы пересечь, преодолеть это бескрайнее пространство, нужны были не просто смелость, но мужество, отвага, готовность к самоотверженному поступку, почти подвигу, а это неизбежно связано с риском для жизни, преодолением страха смерти. Так особые географические условия российского государства послужили объективной базой для формирования русского национального характера и социального поведения русского человека.

В процессе анализа лингвокультурного концепта «максимализм» мы

следовали теории известного российского ученого В.И. Карасика, в соответствии с которой «в концепте можно выделить три основных элемента: понятийный, образный и ценностный. К ядру концепта относится, в первую очередь, понятийный элемент, где отражена фактическая информация о конкретном или абстрактном явлении: «языковая фиксация, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция...» [4, с. 129].

Изучение лексикографических источников с целью выявления языковых единиц-репрезентантов концепта показало, что лингвокультурный концепт «максимализм» широко представлен в современном русском языке и реализуется различными языковыми единицами: словами, фразеологическими оборота, поговорками. В качестве основной лексикографической базы, послужившей источниками для описания семантики основных элементов лингвокультурного концепта (понятийного, образного и ценностного) мы использовали следующие словари: «Словарь русского языка» С.И. Ожегова [2], «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова [5], «Толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [6], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова [7], «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина [8], «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» под ред. В.М. Мокиенко [9].

Лексические репрезентанты концепта «максимализм» представлены в современном русском языке следующими языковыми единицами:

безграничность, сущ. от прил. **безграничный** «Книжн. 1. Не имеющий

видимых границ. 2. Чрезвычайный, чрезмерный. *Безграничная радость. Безгранично любить родину*» [2];

беспредельность, сущ. от прил. **беспредельный** «Книжн. То же, что **безграничный**. *Беспредельная любовь. Беспредельная отвага*» [там же];

иррациональность, сущ. от прил. **иррациональный** «(от лат. irrationalis — неразумный) не постигаемый разумом, логически не объяснимый, опирающийся на чувства, инстинкт, веру» [6]; «(книжн.) противостоящий рациональному или противоречащий ему» [2];

крайность «крайняя, предельная степень чего-н., чрезмерное проявление чего-н.» *От одной крайности к другой. Впасть в крайность. В характере сочетаются две крайности* [там же]; «1. То, что представляет собою крайнюю степень чего-нибудь (мнения, поведения, свойства). *Впасть в крайность. Крайности в убеждениях*. 2. только ед. Тяжелое, опасное положение, крайняя необходимость. *Крайность толкнула его на преступление*» [5];

максимализм «чрезмерная крайность в каких-н. требованиях, взглядах, поступках, не оправданная реальной действительностью» [2]; «крайность в каких-л. требованиях, во взглядах, в поступках, не оправданная реальной действительностью» [6];

необузданность, сущ. от прил. **необузданный**, *-ая, -ое* «крайне несдержанный, чрезмерный, не знающий границ в проявлении своих порывов, страстей». *Необузданная страсть. Необузданный нрав. Необузданная фантазия* [6; 2];

размах «перен. Широта в проявлении чего-л., смелость инициативы» [6; 2];

удаль, удальство «безудержная, лихая смелость. *Удаль молодецкая*» [2]; «безудержная смелость в сочетании с бойкостью, ухарством» [6];

чрезмёрность, сущ. от прил. **чрезмёрный** «слишком большой, превосходящий всякую меру» [2]; «превосходящий меру; слишком большой, слишком сильный» [6];

широтá, сущ. от прил. **широкий**, -ая, -ое «не стесненный в проявлении чего-л. *Широкая натура* (о щедром, не стесняющемся в тратах и общительном человеке)» [2]; «а) *перен.* Отличающийся большим размахом в проявлении, не имеющий ограничений; б) Отличающийся щедростью в проявлении чувств и т.п. (о человеке)» [6];

экстремальность, сущ. от прил. **экстремальный**, -ая, -ое «(лат. *extremus* — крайний). *Книжн.* Крайний, предельный, выходящий за рамки обычного, чрезвычайный, рискованный. *Экстремальные обстоятельства*» [8]; «*Книжн.* Крайний, необычный по сложности, трудности, опасности». *В экстремальных условиях. Экстремальная ситуация* [2];

экстремизм «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [8].

Слова-репрезентанты описываемого концепта представлены именами существительными со значением отвлеченного понятия, образованными суффиксальным способом (преимущественно с помощью суффикса *-ость*) от качественных прилагательных как исконно русского, так и иностранного происхождения: *безграничный* — *безграничность*, *иррациональный* — *иррациональность*, *крайний* — *крайность*, *необузданный* — *необузданность*, *экстремальный* — *экстремальность* и т.п. Исключение

составляют: лексема *размах*, образованная бессуффиксным способом от глагола *размахивать*, лексема *удаль*, образованная бессуффиксальным способом от прилагательного *удалой* и лексема *широта*, образованная с помощью суффикса *-от-*, присоединенного к основе мотивирующего имени прилагательного: *широкий* — *широта*. Рассматривая лексические репрезентанты концепта «максимализм» с точки зрения происхождения, важно отметить, что большинство языковых единиц этого семантического поля имеет исконно русское происхождение, лишь слова «максимализм» и «экстремизм», представляя собой заимствования из иностранного языка, ср.: *максимализм* [фр. *maximalisme* < лат. *maximum*], *экстремизм* [фр. *extremisme* < лат. *extremus* крайний]. Это обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности данного понятия для русского языкового сознания, о его широком распространении в русском социуме.

Широко и разнообразно представлен в русском языке лингвокультурный концепт «максимализм» фразеологизмами-репрезентантами. Ср.:

без пámяти (любить кого-л., что-л.) «разг. Как бы забывая все, очень сильно» *Любить без памяти* [2]; «*перен. разг.* Очень сильно, чрезвычайно (подчеркивая высшую степень интенсивности действия или состояния)» [6];

без умá (1. любить, 2. быть от кого, чего-л.); «разг. Очень сильно, чрезвычайно (подчеркивая высшую степень интенсивности действия или состояния)» [там же];

во что́ бы то ни ста́ло (добиться чего-л.) «непременно, при любых условиях» [2];

до глубини́ души́ (взволновать, поразить) «Очень, чрезвычайно сильно» [там же]; «*книжн.* чрезвычайно, очень сильно, до крайности» [6];

до мозга костей (быть кем-л. или каким-л.); «полностью, целиком, во всем» [10];

до гроба; до гробовой доски; до конца дней (помнить, любить) «до самой смерти» [2];

до отвála (наедаться) «*Разг.-сниж.* До чрезмерного насыщения, до пресыщения» [6];

до последнего дыхания (сражаться, бороться) «*высок.* Жертвуя всем, отдавая все, не жалея жизни» [11];

до последней капли крови (бороться, биться, защищать кого-, что-л., сражаться) «*высок.* Жертвуя всем, не щадя жизни (бороться, биться, защищать кого-, что-л.)» [6];

до седьмого пота (работать, трудиться) «*Разг.* До изнеможения» [2]; «*Разг.* До крайнего утомления» [9];

до упаду (веселиться, танцевать) «*Разг.* До полного изнеможения» [6];

ложиться/лечь костью́ (для достижения чего-л.) «погибнуть ради достижения какой-н. цели» [2] «1. *Книжн. высок.* Погибнуть в бою, сражении. 2. *Прост.* Стараться изо всех сил сделать что-л.» [12];

любо́й цено́й (добиваться чего-л.) «Принеся большие жертвы, потратив много усилий» [2];

на всю (на полную) кату́шку (веселиться, гулять) «*Прост.* В полную силу, по максимуму» [11]; «*Прост.* Используя все имеющиеся возможности, в полную силу» [2];

на чем свет сто́ит (ругать кого-л., браниться) «Очень сильно, не стесняясь в выражениях» [10];

по гроб жи́зни (помнить, быть благодарным) «*Разг.* До смерти, до конца дней» [2];

по по́лной програ́мме (работать, выкладываться, развлекаться; наказывать кого-л.) «*Разг.* В высшей степени, в полной мере» [9];

по́ уши (в долгах) «*разг.* Сверх всякой меры» [7];

расшиби́ться в лепешку (чтобы получить что-л.) «*Прост.* О крайнем усердии, готовности услужить кому-н.» [2].

Приведенные выше фразеологические обороты по своему лексико-грамматическому значению (по отношению к определенной части речи) аналогичны наречиям, в силу чего в предложении они являются обстоятельством. Определяя место фразеологизмов-репрезентантов концепта в семантических разрядах наречий, отметим, что они относятся к определительным наречиям, указывающим на меру, степень и интенсивность проявления действия или признака, точнее — на превышение меры, на высокую интенсивность проявления действий и эмоций, на что указывают компоненты словарных дефиниций: «очень сильно», «сверх», «слишком», «чрезмерно», «крайне», «запретительно» и др.

Среди фразеологизмов-репрезентантов выделяется группа единиц, означающих максимальную степень проявления осознанных, рациональных действий человека, готового пожертвовать самым дорогим и даже жизнью ради высокой, благородной цели: **до последнего дыхания** (сражаться); **до последней капли крови** (защищать Родину, сражаться); **до седьмого пота** (работать, трудиться). Большинство же фразеоло-

гизмов-репрезентантов концепта составляют фразеологические обороты, означающие максимальную степень проявления спонтанных, нерациональных действий, совершаемых импульсивно, под воздействием сильных эмоций: **без памяти; без ума** (любить кого-л., что-л.; быть от кого, от чего-л.); **до глубины души** (взволновать, поразить); **до гроба; до гробовой доски; до конца дней** (помнить, любить); **до отвала** (наедаться); **до упаду** (веселиться, танцевать); **лечь костьми** (для достижения цели); **любой ценой** (добиваться чего-л.); **на всю катушку** (веселиться, гулять); **на чем свет стоит** (ругать, бранить кого-либо); **по уши** (влюбиться; быть в заботах, проблемах). Эти языковые единицы, как правило, называют максимальной степенью проявления человеческих чувств — любви, радости, негодования, взволнованности. И это очень по-русски — жить эмоциями, а не руководствоваться здравым смыслом, логикой и трезвым расчетом.

Поговорки, являющиеся репрезентантами лингвокультурного концепта «максимализм», представлены в современном русском языке следующими единицами:

Либо пан, либо пропал;

Либо грудь в крестах, либо голова в кустах;

Либо полковник, либо покойник;

Целовать — так королеву, воровать — так миллион.

Как можно заметить, в приведенных русских поговорках отчетливо представлена формула, выражающая максимальное требование «*все или ничего*».

На основе анализа единиц-репрезентантов концепта «максима-

лизм» можно сделать вывод о том, что понятийная составляющая концепта, основывающаяся на анализе словарных дефиниций репрезентантов и их сочетаемостных способностях, позволяет выявить следующие семантические компоненты, наполняющие данный концепт: 1. Максимально высокая, запредельная степень проявления физических и эмоциональных реакций; 2. Готовность перейти границу общепринятого, допустимого, что не всегда оправдано реальной действительностью; 3. Бескомпромиссность в поступках и в выражении чувств; 4. Готовность к риску, самопожертвованию в опасной для жизни ситуации.

Переходя к рассмотрению образной составляющей лингвокультурного концепта, отметим, что ее содержание, зафиксированное в массовом языковом сознании, связано с внутренней формой единиц-репрезентантов, то есть с мотивированностью значения слова или фразеологизма значением составляющих его компонентов (морфем или слов) или исходным значением того же слова. Внутренняя форма слова или фразеологического оборота представляет собой образ или идею, положенные в основу номинации единиц-репрезентантов концепта. При этом важно отметить, что образ слова и фразеологического оборота имеют разный характер: если образ слова-репрезентанта является обобщенным отражением предмета или явления действительности, то образ фразеологического оборота является обобщенным отражением целой жизненной ситуации. Ключ к образной составляющей слова-репрезентанта концепта лежит в семантике мотивирующего его слова и в семан-

тике морфем, структурно оформляющих производное слово, как корневой, так и служебных. В качестве примера приведем следующие слова-репрезентанты: **кра́йность** «крайняя, предельная степень чего-н., чрезмерное проявление чего-н.», где корневая морфема **край-** имеет значение «1. Предельная линия, ограничивающая поверхность плоского предмета; грань; 2. *перен.* Конец, предел» [6]; **беспредельность** «чрезмерность в проявлении чего-л.», где корневая морфема **предел-** имеет значение «1. последняя, крайняя степень, грань чего-л.; 2. *перен.* Мера, норма, граница чего-л.; критическая точка чего-л., характеризующая возможность проявления каких-л. свойств, качеств», а префикс **бес-** означает отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом; **чрезмерность** «слишком большое, превосходящее всякую меру проявление чего-л.», где мотивирующее существительное **мера** (корневая морфема **мер-**) имеет значение «1. Единица измерения. 2. *перен.* Последняя, крайняя степень, предел чего-л.», а префикс **чрез-** означает «свыше, сверх чего-н.» (*сверх меры*); **необузданность** «крайняя несдержанность, чрезмерность, не знающая границ в проявлении порывов, страстей», где мотивирующий глагол **обуздать** (корневая морфема **узд(а)**), имеет значения «1. Надеть узду (на лошадь); 2. *перен.* Сдерживать, усмирить, укротить. Ср. *Обуздать свою страсть*», а префикс **не-** указывает на отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом.

Насколько актуален в современном российском языковом сообществе

образ, выражающий крайнюю степень проявления действия или эмоционального состояния человека, причем связанного с риском, с опасностью, свидетельствуют, на наш взгляд, такие неологизмы общелитературного языка, ставшие в последнее время популярными в современной речи, как **беспредёл** — «Разг. Крайняя степень беззакония, беспорядка» [2], «не ограниченный никаким законом чей-л. произвол» [11] и **экстрим** (от англ. extreme — крайность, крайняя степень чего-л.) «1. Нетрадиционные виды спорта с элементом реального риска, предполагающие не столько достижение определенных результатов, сколько остроту ощущений, «адреналин»; 2. Характеристика всякой острой ситуации или сильного эмоционального состояния, переживания» (*Википедия*).

Как отмечалось выше, образ фразеологизма в отличие от образа слова — это образ не отдельного предмета реальной действительности или состояния человека, а целостной ситуации. Ситуация реальной действительности преобразуется во фразеологический образ посредством метафоры или реже метонимии, синекдохи. Образная составляющая концепта фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в массовом языковом сознании. «Современное значение фразеологизма — это метафорически преобразованное содержание определенной ситуации реального мира, освоенной человеческим сознанием на основе сравнения» [9, с. 410]. Образная составляющая лингвокультурного концепта «максимализм» проявляется во фразеологических образах, лежащих в основе семантики репрезен-

тантов этого концепта. Она актуализирует компонент семантики, указывающий на максимальную интенсивность действий, максимальную степень выражения чувств, на риск, на последний предел, конец чего-л., смерть, гибель человека. Ср.: *до последнего дыхания, до последней капли крови, до гроба, до гробовой доски, до конца дней* и др. Например, фразеологизм *до гробовой доски*, имеющий значение «до конца жизни», передает временные отношения через деталь характерного атрибута погребения (гроба) путем метонимического переноса значения [там же, с. 198]. Выражение *ложиться/лечь костью* в значении «погибнуть в бою, сражении» является цитатой из литературы XVIII века: «*Но рать его костью легла*» (В.А. Жуковский. «Суд в подземелье») [там же, с. 351]. Фразеологический оборот *на чем свет стоит* происходит от древних верований, где «свет», то есть «земля» стоит на чем-то: рыбе, слонах, плечах богов. Такое положение «света» более чем устойчиво, «очень сильно» [там же, с. 626]. Фразеологический оборот *на всю (полную) катушку* в значении «в полную силу, по максимуму» имеет две версии происхождения, два образных источника. По одной из версий выражение *на всю (полную) катушку* вошло в современную речь из языка связистов во время Великой Отечественной войны, а затем расширило свое значение. По другой версии источником этого выражения является речь рыболовов: леска разматывается с катушки до самого конца, максимально. То есть рыбак делает все максимально возможное для ловли рыбы [там же, с. 294].

Обобщая наблюдения над выражением образной составляющей концепта «максимализм», приходим к заключению, что ее образными источниками являются метафорически или метонимически преобразованные названия предметов, мотивирующих слова-репрезентанты концепта, или описание ситуаций, мотивирующих фразеологизмы-репрезентанты концепта.

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта воплощается в оценке, которую он содержит. Давая оценку, человек выражает свое отношение к окружающим людям и их поступкам, к происходящим в мире событиям: культурным, политическим, общественно значимым. Выступая в качестве основного способа отражения системы ценностей в языке, ценностная составляющая концепта указывает на значимость определенного стереотипа социального поведения и эмоционального состояния человека для коллективного национального сознания. Способы выражения оценочного компонента лингвокультурного концепта различны: оценочность может содержаться в самом лексическом значении единицы-репрезентанта как один из семантических компонентов (как правило, в виде коннотации), также возможно и обретение репрезентантом оценочности в контексте.

Наблюдения над характером выражения языковой оценки в лексических и фразеологических репрезентантах концепта «максимализм» показывают, что оценочное значение в виде семантического компонента лексического значения слова-репрезентанта, представлено довольно редко. Например, лексическое зна-

чение слова *экстремизм* «в политике: приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» содержит семантический компонент «крайний» (т.е. недопустимый, неприемлемый), содержащий негативную оценку. Однако, как правило, оценочное значение репрезентантов концепта «максимализм» зависит от контекста, базируется на лексической сочетаемости языковых единиц. Лексическая сочетаемость репрезентантов концепта может быть устойчивой, постоянной, и тогда оценочный компонент имеет фиксированную оценку, чаще положительную. Например, фразеологизмы-репрезентанты *до последней капли крови, до последнего дыхания*, сочетающиеся с глаголами «бороться», «сражаться», «защищать (отечество)», или фразеологизм *до седьмого пота*, сочетающийся с глаголами «работать», «трудиться», имеют положительную коннотацию и обладают положительным оценочным значением. Заметим, что в словарях фразеологизмы *до последней капли крови, до последнего дыхания* сопровождаются пометами «книжн.» (книжное), «высок.» (высокое), что указывает на особую сферу использования этих выражений — в публицистической, ораторской, а также поэтической речи. Приведем примеры контекстного употребления этих фразеологизмов-репрезентантов в современной публицистике.

Героическое имя «Сталинград» оказалось связанным в нашем сознании с войной и руинами, сопротивлением *до последней капли крови*, приказом «Ни шагу назад», окруже-

нием и пленением армии противника, наконец, коренным переломом в войне. — Б. Межуев. Пусть имя «Сталинград» останется священным // Известия, 09.06.2014.

«Независимо от того, что защищал советский солдат в годы Великой Отечественной войны — город-герой или безымянную высоту — он дрался с врагом *до последнего дыхания*. — А. Студенок, А. Иванченко. В Приднестровье чествуют защитников Отечества // Новый регион, 21.02.2011.

Он из тех тренеров, которые *до седьмого пота* будут работать со своими игроками ради прогресса. — А. Матюков. Бывший игрок ЦСКА Вантерпул — основной кандидат на пост главного тренера «Филадельфии» // Советский спорт, 30.07.2013.

Однако отмечаются случаи, когда языковая оценка одного и того же репрезентанта варьируется, определяясь контекстом, зависит от него. Например, языковая оценка фразеологизмов-репрезентантов *до мозга костей, любой ценой, по полной программе*, не обладающих фиксированной лексической сочетаемостью, целиком определяется контекстом. Приведем примеры варьирования языковой оценки фразеологизмов-репрезентантов в зависимости от контекста.

Он профессионал *до мозга костей*, обладающий высоким авторитетом. — А. Керопян. «Зенит» предлагает Сергею Семаку контракт на один год и работу в клубе // Известия, 23.01.2013.

Испорченный *до мозга костей* ханжа смотрел на человека, рискнувшего приобщить его к литературе русского зарубежья, как на без пяти

минут осужденного растлителя. — Г. Осипов. Джип и колясочка // Известия, 12.11.2012.

Есть регионы, в которых жесткая конкуренция приводит к охоте за конкурентами, снятию их **любой ценой**. — А. Кашеварова, М. Самохвалова. Кремль проведет мониторинг выборов // Известия, 03.07.2014.

Уверяю вас, что мы попытаемся **любой ценой** обеспечить себе победу. — Т. Ганеев. «Выложимся на 300%, чтобы страна понимала наше отношение к футболу» // Известия, 26.06.2014.

В 2012 году победа сборной на мировом первенстве была добыта во многом благодаря фантастической игре Малкина, всегда выкладывающегося в играх за национальную команду **по полной программе**. — Г. Маковецкий. «Значение Овечкина для нынешней команды сложно переоценить» // Известия, 19.05.2014.

Надо выложиться **по полной программе** и представить страну как можно достойнее. — В. Сиротинин. Пьер Людерс: «Сборная не хочет быть как все — мы хотим только победы» // Известия, 15.01.2014.

В качестве системного политика Михаил Прохоров провалился **по полной программе** и уже не нужен. — Н. Башлыкова. Михаил Прохоров обвинил силовиков в захвате власти // Известия, 07.11.2013.

Теперь на распространителей «дури» найдется более серьезная управа: их будут привлекать к ответственности **по полной программе** в рамках Уголовного кодекса. — А. Добрюха. Курительные смеси официально признали наркотиком // Комсомольская правда, 15.07.2013.

Проведенный анализ языкового материала показывает, что максима-

лизм, крайность в проявлении чувств, в действиях и поступках, готовность к риску в русском национальном сознании вызывает неоднозначную, двоякую оценку и часто зависит от контекста. Оценочность определяется ситуацией: если действия и поступки человека продиктованы благородными, высокими мотивами, крайность в их проявлении осознается оправданной и воспринимается как героизм, если же человек совершает поступки в порыве удалства, лихачества, неоправданного риска, это воспринимается негативно. Иначе говоря, ценностная составляющая лингвокультурного концепта «максимализм» в русском языке может варьироваться, представляя ценность или антиценность в зависимости от контекста, описывающего конкретную жизненную ситуацию. «Философия в основном рассматривает позитивные ценности (ср., например, известную ценностную триаду «истина — добро — красота»). Для языка же, с его утилитарной направленностью, более актуальными оказываются антиценности» [13, с. 30].

Подводя итоги нашим наблюдениям, можно сделать вывод о том, что в русской языковой картине мира лингвокультурный концепт «максимализм», выражающий одну из ярких особенностей социального поведения и национального менталитета, не содержит **однозначной оценки** одобрения или неодобрения: в языковом сознании русских он может выражать как позитивную, так и негативную ценность.

Академик Д.С. Лихачев в своей знаменитой статье «О национальном характере русских» писал об этом так: «Одна черта, замеченная давно,

действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного. Берег реки или моря, край света, пути и дороги — были всегда местами, к которым стремился народ. <...> Петр Великий переносит столицу своей империи на самый опасный рубеж — к морю. Столица на самой границе своей огромной страны — думаю, это единственный в роде случай в мировой истории.

<...> Эту черту (доведение всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки) можно заметить в России во всем. И в русской философии и искусстве. Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности — это вне всякого сомнения...» [14, с. 4]. Не давая однозначного ответа на вопрос «Хорошо это или плохо?», великий гуманист и патриот академик Д.С. Лихачев связывает максимализм, крайность в поступках, готовность русского человека к риску (часто неоправданному) с возможной опасностью для государства и населения страны, а значит, с заботой о родине и о сбережении народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ковшова, М.Л.* Идиоматический текст как принцип исследования концепта [Текст] / М.Л. Ковшова // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): в 2 т. / сост., отв. ред. В.И. Макаров. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. — Т. 1. — С. 89-90.
2. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. — Изд. 7-е. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — 900 с.
3. *Сергеева, А.В.* Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А.В. Сергеева. — М.: Флинта Наука, 2004. — 328 с.
4. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2004. — 390 с.
5. *Ушаков, Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. — М.: «Альта-Принт», 2007. — 1239 с.
6. *Ефремова, Т.Ф.* Толковый словарь русского языка [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Дрофа, 2000. — 1233 с.
7. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А.И. Молоткова. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — 543 с.
8. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин. — М.: Эксмо, 2008, — 944 с.
9. *Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова // под ред. В.М. Мокиенко — М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. — 926 с.
10. *Быстрова, Е.А., Окунева, А.П., Шанский, Н.М.* Учебный фразеологический словарь [Текст] / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. — М.: АСТ, 1997. — 304 с.
11. *Федоров, А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А.И. Федоров. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 879 с.
12. *Баско, Н.В., Зимин, В.И.* Новое время — новые фразеологические образы [Текст] / Н.В. Баско, В.И. Зимин // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII Междунар. науч. конф.; отв. ред. Т.В. Мальцева. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. — С. 407-416.
13. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование [Текст] / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2004. — № 1. — С. 29-34.
14. *Лихачев, Д.С.* О национальном характере русских [Текст] / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 3-5.

REFERENCES

1. Basko N.V., Zimin V.I., "Novoe vremya — novye frazeologicheskie obrazy. Pushkinskie chteniya-2017. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst", in: *Proceedings of the XXIIIrd International Conference*, ed. T.V. Maltseva, St. Petersburg, 2017, pp. 407-416. (in Russian)
2. Biring A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I., *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar*, ed. V.M. Mokienko, Moscow, Astrel, AST, Lyuks, 2005, 926 p. (in Russian)
3. Bystrova E.A., Okuneva A. P., Shanskij N.M., *Uchebnyj frazeologicheskij slovar*, Moscow, AST, 1997, 304 p. (in Russian)
4. Efremova T.F., *Tolkovyi slovar russkogo yazyka*, Moscow, Drofa, 2000, 1233 p. (in Russian)
5. *Frazeologicheskii slovar russkogo yazyka*, ed. A.I. Molotkov, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1967, 543 p. (in Russian)
6. Fyodorov A.I., *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo yazyka*, Moscow, Astrel, AST, 2008, 879 p. (in Russian)
7. Karasik V.I., *Yazykovoï krug: lichnost, kontsepty, diskurs*, Volgograd, Peremena, 2004, 390 p. (in Russian)
8. Kovshova M.L., *Idiomaticheskii tekst kak printsip issledovaniya kontsepta. Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitie (Pyatye Zhukovskie chteniya)*, v 2 vols., ed. V.I. Makarov, Velikii Novgorod, Izdatelstvo Novgorodskogo universiteta, 2011, Vol. 1, pp. 89-90. (in Russian)
9. Krysin L.P., *Tolkovyi slovar inoyazychnykh slov*, Moscow, EKSMO, 2008, 944 p. (in Russian)
10. Lihachev D.S., *O nacionalnom haraktere russkikh*, *Voprosy filosofii*, 1990, No. 4, pp. 3-5. (in Russian)
11. Ozhegov S.I., *Slovar russkogo yazyka*. Izd. 7nd., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1968, 900 p. (in Russian)
12. Sergeeva A.V., *Russkie: Stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost*, Moscow, Flinta Nauka, 2004, 328 p. (in Russian)
13. Slyshkin G.G., *Lingvokulturnyi kontsept kak sistemnoe obrazovanie*, *Vestnik VGU*, 2004, No. 1, pp. 29-34. (in Russian)
14. Ushakov D.N., *Bolshoi tolkovyi slovar sovremennogo russkogo yazyka*, Moscow, Alta-Print, 2007, 1239 p. (in Russian)

Баско Нина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, МГУ имени М.В. Ломоносова, ninabasko@mail.ru

Basko N.V., PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language for Foreign Students of the Humanitarian Faculties Department, Lomonosov Moscow State University, ninabasko@mail.ru